

*Джону и Элен Майлмей Уайт
с огромной благодарностью за пре-
доставленную мне возможность уви-
деть торжество справедливости*

Предисловие

Марка Истербрука¹

Сдается мне, к этой странной истории виллы «Белый конь» можно подойти двояко. Несмотря на изречение Белого Короля, простоты не так-то легко добиться. Никто не может, другими словами, «начать сначала и продолжать, пока не дойдет до конца»². Потому что где оно, начало? Для историка всегда в том и кроется главная трудность. В какой именно момент начинается определенный период истории?

В данном случае можно начать с того момента, когда отец Горман отправился навестить умирающую женщину. А можно начать еще раньше, с одного вечера в Челси.

Пожалуй, раз уж я сам пишу солидную часть этого повествования, с этого вечера я и начну.

¹ Более правильное название романа — и с языковой, и с контекстной точки зрения — должно звучать по-русски как «Вилла «Конь бледный», что связывает повествование с известным апокалиптическим образом; но поскольку за романом исторически закрепилось название «Вилла «Белый конь», редакция решила оставить его.

² Слова Белого Короля из «Алисы в Стране чудес»: «Начни сначала, — важно ответил Король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца» (*пер. Л. Яхнина*).

Глава 1

Рассказ Марка Истербрука

I

Кофеварка «эспрессо» шипела у меня за плечом, как злая змея. В этом звуке слышалось нечто злое — не то чтобы дьявольское, но намек на дьявольщину в нем все же был. «Возможно, большинство современных звуков несут в себе этот намек», — размышлял я. Пугающий грозный рев реактивных самолетов, чертящих небо над головой; медленное угрожающе гроыхание поезда метро, приближающегося по туннелю; тяжелый шум городского транспорта, сотрясающий сам фундамент вашего дома... Сегодня даже не очень громкие звуки домашней техники, какой бы полезной ни была ее деятельность, слегка настораживают. Посудомойки, холодильники, скороварки, воюющие пылесосы словно говорят: «Берегись! Я — джинн, впряженный в ярмо, дабы служить тебе, но если ты слегка ослабишь за мной присмотр...»

Опасный мир — так-то вот. Опасный мир.

Я помешал в исходящей паром чашке, которую поставили передо мной. Пахло аппетитно.

— Что еще закажете? Вкусный сэндвич с ветчиной и бананом?

Такое сочетание показалось мне странным. Бананы я мысленно связывал со своим детством или — время от времени — с фламбе¹ с сахаром и ромом. Ветчина в моем представлении четко ассоциировалась с яичницей. Но раз уж я в Челси, нужно есть, как принято в Челси. Поэтому я согласился на вкусный сэндвич с ветчиной и бананом.

Хоть я и жил в Челси — вернее, последние три месяца снимал здесь меблированную квартиру, — я во всех отношениях оставался здесь чужаком. Я писал книгу об определенных аспектах архитектуры Великих Моголов и для этого с тем же успехом мог бы поселиться как в Челси, так и в Хэмпстеде, Блумсбери или Стритэме². Я не обращал внимания на окружающее, если не считать предметов моего труда, и совершенно не интересовался соседями — словом, существовал в своем собственном мире.

Однако в тот вечер я стал жертвой одного из внезапных припадков, знакомых всем писателям мира.

Могольская архитектура, могольские императоры, могольский образ жизни (и все другие связанные с ними увлекательнейшие проблемы) внезапно показались мне тленом и прахом. Да кому они нужны? Чего ради я решил о них кропать?

Я полистал некоторые страницы, перечитывая написанное. Все казалось мне одинаково скверным:

¹ Фламбе — блюдо французской кухни: фрукты обливают бренди, коньяком или ромом и поджигают, что дает хрустящую корочку.

² Хэмпстед, Блумсбери, Стритэм — районы Лондона.

жалкий слог, содержание — скука смертная. Кто бы ни сказал: «История — это обман» (Генри Форд?)¹, он был совершенно прав.

С отвращением отпихнув рукопись, я встал и посмотрел на часы. Было около одиннадцати. Я попытался вспомнить, обедал ли сегодня... Судя по ощущениям — не обедал. Разве что перехватил ленч в «Атенеуме»², уже давно.

Я заглянул в холодильник и неблагосклонно осмотрел остатки высохшего отварного языка...

Так я и забрел на Кингз-роуд, а потом свернул в эспрессо-кафе-бар, над окном которого светилась красная неоновая надпись «Луиджи». И теперь вот созерцал сэндвич с ветчиной и бананом и размышлял о зловещей подоплеке современных звуков и их влиянии на атмосферные эффекты.

«Все они, — думал я, — имеют нечто общее с моими ранними воспоминаниями о пантомиме».

Дейви Джонс, появляющийся в клубах дыма из своего рундука!³ Люки и окна, извергающие адские силы зла, которые бросали вызов доброй фее Алмаз (или как там ее звали). Та, в свою очередь, разма-

¹ Генри Форд (1863—1947) — знаменитый американский бизнесмен, один из основателей автомобильной промышленности, создатель транснациональной корпорации «Форд мотор компани». Он знаменит разными цитатами, в т. ч. ему принадлежит высказывание: «История — это более или менее обман».

² «Атенеум» — клуб писателей и ученых в Лондоне.

³ Дэйви Джонс — в фольклоре британских моряков злой дух, живущий в море, а его рундук — это океан, принимающий мертвых моряков.

хивала слишком хрупким жезлом и уныло декламировала многообещающие банальности о конечном триумфе добра, предваряя этим неизбежную «популярную песню», никогда не имевшую никакого отношения к сюжету данной пантомимы.

Мне вдруг подумалось: зло, пожалуй, всегда впечатляло больше, чем добро. Зло было таким эффективным! Злу полагалось быть пугающим, оно должно было бросать вызов! Зло — это нестабильность, атакующая стабильность. Но я верил, что в конце концов стабильность всегда победит. Стабильность сможет выдержать все банальности доброй феи Алмаз; ее скучный голос, даже совершенно не к месту спетый куплет: «Дорожка вьется в городок, что я люблю, что так далек». Все подобные штучки казались очень чахлым оружием, однако это оружие неизменно брало верх. Пантомима заканчивалась, как всегда, лестницей и спускающейся по ней труппой в порядке старшинства, с доброй феей Алмаз, олицетворяющей христианское смирение и не стремящейся быть первой (или, в данном случае, последней)¹: она всегда оказывалась посередине бок о бок со своим недавним противником. Тот больше не был рычащим Королем Демонов, изрыгающим огонь и серу, а всего-навсего мужчиной в красном трико.

«Эспрессо» снова зашипел мне в ухо. Я дал знак принести еще чашечку и огляделся.

¹ «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19:30).

Сестра постоянно ругает меня за то, что я ненаблюдателен и не замечаю, что происходит вокруг. «Ты вечно живешь в каком-то своем мире», — осуждающе говорит она.

И вот сейчас, с сознанием собственной добродетели, я начал отмечать, что же происходит вокруг.

Попробуй-ка не читать того, что каждый день печатается в газетах о барах Челси и их посетителях! И вот мой шанс составить собственное мнение о современной жизни.

В кафе царил полумрак, поэтому трудно было четко что-либо рассмотреть. Посетители почти все молодые. Я смутно заподозрил, что они из тех молодых людей, которых называют поколением битников. Девушки казались замарашками — нынче все девушки кажутся мне замарашками. И, по-моему, они были слишком тепло одеты. Я уже заметил это, когда несколько недель назад выбирался пообедать в ресторане со своими друзьями. Девушке, которая сидела тогда рядом со мной, было лет двадцать. В ресторане было жарко, но она облачилась в желтый шерстяной пуловер, черную юбку и черные шерстяные чулки, и в течение всего обеда у нее по лицу катился пот. От нее разило пропитанной потом шерстью и очень сильно — невымытыми волосами. Судя по словам моих друзей, она была крайне привлекательна. Но не для меня! Я жаждал одного: швырнуть ее в горячую ванну, дать ей кусок мыла и заставить использовать его по назначению. Полагаю, это демонстрирует, насколько я отстал от

жизни. Может, потому, что слишком много времени провел за границей.

Я с удовольствием вспомнил женщин Индии, их красиво уложенные черные волосы, грациозную походку, ниспадающие грациозными складками сари ярких чистых цветов, ритмичное покачивание тел на ходу...

От этих приятных воспоминаний меня отвлек внезапно поднявшийся шум. Две юные особы за соседним столиком затеяли свару. Молодые люди, с которыми они пришли, пытались все замять, но тщетно.

Внезапно девушки начали вопить друг на друга; одна дала другой пощечину, а та стащила первую со стула. Они принялись драться, как базарные торговки, истерически выкрикивая ругательства. Одна была с разлохмаченными рыжими волосами, другая — прилизанная блондинка. Я так и не понял, из-за чего весь сыр-бор, если не считать того, что они оскорбляли друг друга словесно.

Из-за других столиков понеслись крики и свист. Посетители сопровождали сцену ободряющими восклицаниями и мяуканьем:

— Молодца! Дай ей в челюсть, Лу!

Стоящий за баром хозяин — тощий, похожий на итальянца парень с бакенбардами (я решил, что это сам Луиджи) — вмешался, закричав с чистейшим выговором лондонского кокни:

— Аллё, а ну-ка, кончайте! Кончайте! Через минуту сюда сбежится вся улица. Вы приманите сюда «фараонов». Хватит, я сказал!

Но прилизанная блондинка вцепилась рыжей в волосы и принялась неистово таскать ее за шевелюру, вопя:

— Ах ты, сука! Вздумала отбить моего парня!

— Сама сука!

Хозяин и смущенные кавалеры растащили девиц. В когтях блондинки остались большие пучки рыжих волос. Она весело потрясла ими, после чего бросила на пол.

И тут открылась входная дверь, на пороге кафе появился блюститель закона в синей форме и величественно проронил стандартные слова:

— Что здесь происходит?

Общего врага тут же встретили единым фронтом.

— Просто слегка повеселились, — сказал один из молодых людей.

— Только и всего, — сказал Луиджи. — Небольшое дружеское веселье.

И он ногой затолкал под ближайший столик клочок волос. Противницы улыбнулись друг другу в знак фальшивого примирения.

Полисмен недоверчиво обвел взглядом собравшихся.

— Мы как раз уходим, — ласково сказала блондинка. — Идем, Даг.

По случайному совпадению, еще несколько человек как раз собрались уходить. Блюститель порядка проводил их мрачным взглядом. Этот взгляд говорил: на сей раз он посмотрит на случившееся сквозь пальцы, но будет начеку. Засим полисмен медленно удалился.

Кавалер рыжей уплатил по счету.

— Ты в порядке? — спросил Луиджи у девушки, которая поправляла платок на голове. — Лу порядком тебя отделала — выдрала волосы с корнем.

— Да вовсе и не было больно, — небрежно сказала девица и улыбнулась ему. — Прости за свалку, Луиджи.

Компания ушла. Теперь бар был почти пуст. Я шарил в карманах мелочь.

— Она просто молодчина, — одобрительно сказал Луиджи, наблюдая за закрывающейся дверью. Затем взял метлу и замел за прилавок пряди рыжих волос.

— Боль, должно быть, была ужасной, — сказал я.

— Я бы на ее месте так заорал! — признался Луиджи. — Но она просто молодчина — Томми-то!

— Вы хорошо ее знаете?

— Да, она здесь почти каждый вечер. Такертон ее звать, Томазина Такертон, если хотите полностью. Но тут ее кличут Томми Такер. Отвратно богата. Ее старик оставил ей целое состояние, а она что? Переезжает в Челси, живет в паршивой конурке близ Уондсворт-бридж и болтается с шайкой таких же, как она сама. Вот никак не пойму: у половины этой шайки есть деньжата. Они могли бы заполучить любовью ништяк на свете, могли бы поселиться в «Ритце», если б захотели. Но они, похоже, кайфуют, живя так, как живут. Да... Вот никак этого не пойму.

— А вы бы сами что делали на их месте?

— Ну у меня-то есть голова на плечах! — сказал Луиджи. — А сейчас я просто зарабатываю как могу.